

*Посвящается Джону-Карлосу и Луне.
И моей бабушке, которая рассказала мне
историю девочки со звездой на лбу.*

1

ЖЕЛАНИЕ

Тор Луна часто разглядывал линию жизни своей маленькой сестрёнки. Он провёл пальцем по маленьким ручкам Розы.

Роза заёрзала от щекотки и засмеялась.

— Посмотри на все эти вершины, — сказал он, постучав пальцем по линиям всех цветов радуги, змеившимся по её ладоням.

— Больше чем в Разбойничьей гряде, — с довольной улыбкой ответила Роза.

Тор знал, что она никогда не видела Разбойничьей гряды своими глазами — да и он сам тоже. Но, по слухам, по сравнению с этой знаменитой грядой те горы, что стеной окружали их деревню, — просто маленькие холмики.

Довольный, он накрыл ладошку Розы своей ладонью. Такое, конечно, случалось редко, но линии жизни иногда менялись буквально за одну ночь, так что Тор всегда проверял — на вся-

кий случай. Этот ритуал успокаивал его. Разглядывая судьбу Розы, отпечатанную на обеих ладонях, он словно видел, как разворачивается её будущее: трудности (провалы), испытания (петли) и, конечно же, достижения (вершины). Её линия жизни была длиннее среднего и спускалась почти до самого правого запястья. Тор очень этому радовался.

Но больше всего радовалось его мама. Восемь лет назад, в день, когда родилась Роза, касика¹ Луна, рассмотрев ручки новорождённой, с облегчением вздохнула. А потом, окружённая жителями деревни, под глухой бой барабанов касика внимательно рассмотрела каждый дюйм кожи своей дочери в поисках эмблемы. Толпа двигалась подобно волне — покачивалась взад-вперёд в нетерпеливом ожидании, а громкий шёпот напоминал треск огня. Касике не пришлось искать долго.

— Вот! — воскликнул Тор, показывая на шею маленькой сестрёнки.

На левой стороне шеи, прямо посередине между нижней челюстью и ключицей, обнаружилось маленькое красное сердечко. Мама Тора улыбнулась, а толпа одобрительно загудела.

— Певица, — произнесла она, мягко надавив пальцем на кожу младенца.

¹ *Касика* — женщина-вождь на языке индейцев. Мужчину-вождя называют *касик*.

То был отличный дар. Не слишком редкий, но эмблема всё равно была хороша. Кто-то вообще при рождении не получал ничего, поспешила напомнить касика своим детям. Их называли *пустышками*.

— Больше чем в Разбойничьей гряде, — повторил Тор с лёгкой улыбкой, потом посмотрел на свои руки. Как и у Розы, его линия жизни не менялась ни разу.

Хотя иногда ему очень этого хотелось.

Разноцветные линии на его ладонях были совершенно прямыми — и *скучными*. Ни высоких вершин, ни даже провалов.

— Хорошая, уютная жизнь, — говорила ему мама, и её глаза улыбались, словно это было очень хорошо.

Тор всегда возражал, говорил, что это плохо. Ровная линия жизни говорила, что впереди не будет ни боли, ни затруднений. Но, с другой стороны, ждать тоже было нечего. Никаких приключений.

Что такое жизнь без хотя бы небольшой опасности?

Впрочем, *одна* необычная вещь на линии жизни Тора всё-таки была. Маленький узелок на левой руке, где все линии соединялись в маленькой-маленькой точке. Настолько маленькой, настолько незаметной, что старуха-гадальщица, прищурившись сквозь толстые стёкла очков на носу с горбинками, пожалала плечами.

— Не вижу никакого узла, — объявила она. Но Тор его видел. И надеялся, что он что-то значит.

На небе появилась алая полоска, и Роза широко раскрыла карие глаза.

— Я опаздываю! — воскликнула она и выбежала из дома, построенного, как и все остальные, прямо внутри большого дерева.

Тор вздохнул. Роза всегда опаздывала, и это почему-то всегда застигало её врасплох.

Через несколько мгновений под рассветным небом послышалась идеальная мелодия. Хор голосов, которые никогда не дрожали и не надламывались, затянул утреннюю песню. Снаружи послышались шорохи — деревня просыпалась, сбрасывая с себя покровы снов — приятных, а может быть, и кошмарных.

Песня продолжилась, а затем без всякого перерыва перешла в другую простую мелодию, которую исполняли лишь раз в двенадцать месяцев, в канун Нового года. То был самый важный праздник на всём острове.

В Новый год можно было загадать желание — и эмблемитяне записывали эти желания на листьях. В ночь тридцать первого декабря все эти желания бросали в яркий костёр.

Желание — это священная вещь. Оно должно быть рождено истинным вожделением сердца. Его нужно составлять по строгим правилам: никакой мести или насилия. А ещё оно связано

с определённым *риском*. Если составить плохое желание, оно может превратиться в проклятие.

И как и во всех делах, с желаниями требовалась удача. Из множества загаданных под Новый год желаний исполнялись лишь очень немногие, а у тех жителей острова, которым удача улыбнулась, появлялась на коже золотая звезда в напоминание о даре.

Тор записал своё желание несколько месяцев назад и постоянно носил уже порядком истрепавшийся лист в кармане... в ожидании. Услышав, как наконец зазвучала песня Нового года, он улыбнулся и погладил желание пальцами.

«*Настал тот день, настал тот день, настал тот день*», — напевал он про себя, пока все слова не слились в одно.

— С наступающим, — послышался из-за спины мамин голос.

Тор подпрыгнул от неожиданности и поспешно вытащил руку из кармана.

Он кивнул в ответ, потом прошёл на кухню, бормоча, что надо найти чай с канелой¹. Тут вошёл папа, держа в руках поднос с четырьмя глиняными кружками традиционного новогоднего напитка. Конечно же, он уже его приготовил. Кулинария была его талантом, что подтверждал кухонный нож, изображённый на указательном пальце.

¹ *Канéла* — сорт корицы.

— С наступающим Новым годом, — сказал папа и поцеловал Тора в затылок.

Тор улыбнулся, но лишь одним краешком рта. Отец на несколько секунд задержал на нём взгляд. Он что, увидел, что Тор вспотел от волнения? Или у него желание из кармана торчит?

Затем папа тоже улыбнулся. В этот самый момент в дом ворвалась Роза; её тёмные волосы развевались от быстрого бега. Она напевала мелодию, сладкую, как изумрудный пудинг, нежную, словно тихий перезвон колокольчиков. Родители Тора окинули друг друга любящими взглядами, которые его отчасти бесили, а отчасти очень радовали.

— Пойду в школу, — пробормотал он, схватил коробочку с обедом и направился к кухонной двери.

Мама стремительно, словно ястреб, повернула голову.

— Так рано?

Почему мама хоть разочек не может забыть о своей должности? Хотя чуть меньше о нём заботиться? Он бы вовсе не возражал, если бы мама общалась с ним меньше; его друг Энгль жил вполне нормально, несмотря на то что его родители не крутились вокруг него постоянно. Тор сглотнул и постарался не смотреть на ноги — это уж точно бы его выдало.

— Перед уроками запланировано собрание класса лидеров.

Он замер, ожидая, что мама подозрительно изогнёт брови. Но этого не произошло. Она улыбнулась, и в её взгляде читалось что-то куда более опасное: надежда. Тор почувствовал резкий укол совести.

Мамина улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

— Тогда иди, — спокойно сказала она, словно опасалась, что если слишком обрадуется, то Тор вдруг поймёт, что на самом деле не хочет быть ни в каком классе лидеров.

Он медленно вышел из комнаты, потом выбежал из дома, аккуратно закрыв за собой тяжёлую входную дверь. На лбу выступили капельки нервного пота; с веток, которые нависали над домом, словно раскрытые объятия, упали несколько пурпурных листьев. Это сильный цвет, знак касики. Тор сглотнул. Ему совсем не нравился ни цвет, ни то, что он символизирует. К сожалению, на его коже был знак точно такого же цвета. Два пурпурных кольца вокруг левого запястья.

Тор посмотрел на свою эмблему лидера и задумался, простит ли его мама за то, что он собирается сделать.

Зачарованное ожерелье

Однажды, когда с неба упала звезда, девочка по имени Эстрель¹ получила в подарок от бабушки ожерелье. Оно было похоже на мыльный пузырь, внутри которого лежали маленькие обереги, сделанные из блестящих драгоценных камней.

В тот же день бабушка посадила её в лодку и вытолкнула в море. Война добралась до их дома, и единственным способом сохранить себе жизнь был побег. Эстрель кричала и упрашивала бабушку, чтобы она уплыла с ней, но та не могла.

И Эстрель поплыла через океан. Были у неё лишь ожерелье, фляга с водой и одна-единственная сумка с запасом еды на десять дней и десять ночей.

Она спала, свернувшись в маленькой лодочке, когда та наконец наткнулась на берег.

Эта земля совсем не напоминала ту, где она жила. Вода в море была лишь совсем чуть-чуть синей. А песок на берегу — совсем серым.

¹ По-испански «*Эстрель*» значит «Звёздочка».

Эстрель, крепко сжимая в руке ожерелье, сделала первые шаги на своей новой родине.

Остальной остров был таким же неказистым. На деревьях дрожали бледные листья, которые легко облетали на ветру, а земля была слишком сухой, словно зола из их семейного очага. Растения были маленькими и скрученными, если вообще выростали. Фрукты гнили раньше, чем успевали созреть.

Она боролась за жизнь в этой бездушной пустыне, полной бесцветных зверей и зубастых, страшных чудовищ. Каждый день был тяжелее предыдущего, а земля была совершенно бесплодной, словно на неё налетела буря и забрала себе всё хорошее, что в ней было.

Сколько-то времени Эстрель бродила по острову, словно привидение, живущее в развалинах; она не говорила ни слова и пыталась забыть обо всём, что было раньше, понимая, что такому счастью не место среди серости. Но однажды ночью она посмотрела в небо и наконец заплакала от тоски по прежней жизни... а ещё она спросила у неба, выжила ли бабушка. А если нет — следит ли бабушка за нею сверху?

Слеза прокатилась по её ожерелью; стекло треснуло, и ей на руку выпал радужный оберег.